

НОВЫЯ КНИГИ

К. Мочульскій. Духовный путь Гоголя. УМСА-Press, 1934.

Человѣкъ познается не въ томъ, что онъ есть, а въ томъ, чѣмъ онъ хочетъ быть, или вѣрнѣе: человѣкъ, въ своей внутренней сущности, есть то, чѣмъ онъ хочетъ быть. Съ этимъ пониманіемъ человѣка и, соотвѣтственно, задачи біографа подошелъ къ Гоголю К. Мочульскій. Чѣмъ значительнѣе человѣкъ, чѣмъ въ большей степени онъ самъ для себя заданіе, а не данное — и, кстати сказать, никто не выразилъ этого пониманія съ такою силою и наглядностью какъ самъ Гоголь, въ своихъ портретахъ пошлаго человѣка, «нечеловѣка», чистаго даннаго, никогда не «заданія». Смыслъ жизни каждаго великаго человѣка, источникъ его творчества — въ этомъ его стремленіи осуществить нѣкое заданіе, побѣдить, вытравить въ себѣ то, что этому препятствуетъ. Различія между ними — въ степени препятствій, въ трудностяхъ, какими сопровождается эта борьба съ самимъ собою. Съ этой точки зрѣнія Гоголь — предѣльный случай. Лютеръ, Микель-Анджело, Паскаль, Достоевскій — по сравненію съ нимъ «нормальные», вполне уравновѣшенные люди. Ни одному изъ нихъ не приходилось убивать въ себѣ «нечеловѣка» — какъ Гоголю. И «нечеловѣкъ», — и «святой»; это масштабъ души Гоголя, — заключаетъ свою книгу К. Мочульскій, резюмируя С. Т. Аксакова, какъ никто другой понявшаго Гоголя. Но что значить «святой» примѣнительно къ нему? Мочульскій говоритъ о моментахъ духовнаго просвѣтленія, пережитыхъ Гоголемъ, особенно о послѣднемъ, предсмертномъ, но эти моменты — были ли они моментами подлинной «святости»? Дѣло въ томъ, что ничего подобнаго знаменитому «памятному листку» Паскаля, ни послѣднимъ сонетамъ М.-Анджело, ни предсмертной бесѣдѣ старца Зосимы у Гоголя нѣтъ. Есть другое — его одержимость проблемами этики, его постоянныя терзанія совѣсти, его ужасъ передъ образомъ пошлаго человѣка, увидѣнномъ имъ въ самомъ себѣ, искренность его стремленія стать «святымъ» — болѣе того: его убѣжденіе, что человѣкъ *долженъ* быть святымъ, чѣмъ направляется и вся его писательская дѣятельность, — какъ это великолѣпно выяснено Мочульскимъ. Наконецъ, еще одно: Гоголь не изнемогъ отъ давившаго его ужаса. Его успокоеніе передъ смертью не было слѣдствіемъ отупѣнія, помраченія сознанія, ни проявленіемъ психопатологической, лишенной духовной цѣнности, «эвфоріи». Это доказано авторомъ. Если-же такъ,

если, сохранивъ ясность сознанія, Гоголь *могъ* успокоиться, то это заставляетъ предполагать значительность его духовнаго опыта, не взирая на отсутствіе прямыхъ свидѣтельствъ. Таковъ, насколько я понимаю, ходъ мысли автора.

Возстановить духовный путь всякаго человѣка — задача страшно трудная. Тѣмъ болѣе такого, — остающагося и посейчасъ загадочнымъ, — я думаю, для того, кто прочелъ книгу К. Мочульскаго и согласился съ нею, ставшаго еще болѣе загадочнымъ, — каковъ былъ Гоголь. Авторъ выдвигаетъ рядъ предположеній (напр. о томъ, какъ и почему была сожжена послѣдняя редакція 2-ой части «Мертвыхъ Душъ»), причемъ, при обоснованіи ихъ, ему приходится отправляться отъ уже заранѣе созданнаго имъ себѣ общаго пониманія гоголевской души, — методъ, который науковѣры сочтутъ хожденіемъ въ заколдованномъ кругу, но отказаться отъ котораго значило бы отказаться отъ исторіи вообще и вернуться къ лѣтописанію. Здѣсь все зависитъ отъ качества интуицій историка. Насколько онъ сжился съ изображаемымъ имъ предметомъ, насколько пристально вглядѣлся въ него? Для судящаго со стороны есть, мнѣ кажется, одинъ, самый надежный, критерій для провѣрки этого: чѣмъ цѣннѣе интуиція біографа, чѣмъ болѣе она является подлинной интуиціей, чѣмъ *искреннѣе*, *чище* (на русскомъ языкѣ нѣтъ слова, вполне соответствующаго замѣчательному франц. *sincère* во всей полнотѣ его значенія) его рѣчь, т. е. чѣмъ болѣе она согласуется съ положеніемъ Бергсона: *l'art de l'écrivain consiste à nous faire oublier qu'il emploie des mots*. Я мало знаю книгъ, которыя удовлетворили бы этому требованію въ такой же мѣрѣ, какъ книга Мочульскаго *)

Возсоздавая духовный обликъ Гоголя, авторъ вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ и опредѣленіе мѣста Гоголя въ исторіи русской литературы. То, что онъ говоритъ объ этомъ, можетъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ, во всякомъ случаѣ формулировка, данная имъ, требуетъ, на мой взглядъ, ограниченій и оговорокъ. Гоголь, говоритъ авторъ, сдвинулъ русскую литературу «съ пути Пушкина на путь Достоевскаго. Всѣ черты, характеризующія великую русскую литературу, ставшую міровой, были намѣчены Гоголемъ... Съ Гоголя начинается широкая дорога, міровые просторы. Сила Гоголя была такъ велика, что ему удалось сдѣлать невѣроятное: превратить пушкинскую эпоху въ эпизодъ, къ которому возврата нѣтъ и быть не можетъ... Безъ Гоголя, быть можетъ, было бы равновѣсіе, антологія, благополучіе, безконечно длянщійся Майковъ, а за нимъ безплодіе...» (стр. 86 сл.). Поскольку дѣло идетъ объ историческомъ развитіи русской литературы — это въ общемъ вѣрно. Но одно — историческое значеніе того или другаго явленія, другое — абсолютное. Съ точки зрѣнія исторіи — *пушкинскій періодъ*, конечно, «эпизодъ». Но самъ Пушкинъ? Если поставить вопросъ такъ, сразу видна его сложность. Съ Гоголя начинается широкая дорога, міровые просторы...» Хочетъ-ли авторъ сказать, что Пушкинъ — это

*) Для провѣрки тезисовъ автора можно также прибѣгнуть къ одному сопоставленію. Незадолго до выхода его книги, появилась другая, тоже превосходная, работа о Гоголѣ, *М. Горлина*, N. V. Gogol und E. Th. Hoffmann, задающаяся совсѣмъ другими цѣлями. Но и М. Горлинъ говоритъ о религіозной подосновѣ твореній Гоголя, вскрывая ее путемъ сравнительно-литературнаго анализа.

«провинція», областная литература? Что его творчество лишено мирового значенія? Я этого не думаю, но боюсь, что это может быть такъ понято. Главное, впрочемъ, не это. Кто-то вѣрно сказалъ, что исторія литературныхъ репутаций ни что иное какъ сплошная цѣпь недоразумѣній. «Майковъ» — символъ полнѣйшаго непониманія Пушкина. Но можно было бы привести немало примѣровъ такого-же непониманія и Гоголя. Однако, ужъ если сопоставлять величайшія имена, то слѣдовало бы вспомнить, что Достоевскій-то во всякомъ случаѣ не по «майковски» понялъ Пушкина. «Отъ Гоголя, говоритъ авторъ (тамъ же) все «ночное сознание» нашей словесности, нигилизмъ Толстого, бездны Достоевскаго, бунтъ Розанова». Только-ли отъ Гоголя? У Достоевскаго ощущеніе русскаго «неблагополучія», «призрачности» Петербурга, а равно и тотъ «мистическій реализмъ», о которомъ говоритъ авторъ, т. е. непосредственное переживание сверхличной злой силы, владѣющей міромъ — столько же отъ Пушкина, сколько отъ Гоголя. Новѣйшими изслѣдователями это доказано, неопровержимо. Авторъ могъ бы отвѣтить, что понять Пушкина Достоевскому помогъ Гоголь. Это очень вѣроятно. Но это не мѣняетъ дѣла: фактъ тотъ, что переломъ въ исторіи русской литературы не былъ столь рѣшителенъ, какъ это представлено у него.

П. Бицилли.

Dr. Z. Kobilinski — Ellis. Das goldene Zeitalter der russischen Poesie. W. A. Joukowski. Seine Persönlichkeit, sein Leben und sein Werk. Verlag F. Schöningh. Paderborn. 1933.

(Л. Кобылинскій — Эллисъ. Золотой вѣкъ русской поэзіи. В. А. Жуковскій. Его личность, жизнь и творчество. Изданіе Шенингъ. Падерборнъ. 1933).

Авторъ задумалъ обширный трудъ подъ заглавіемъ «Золотой вѣкъ русской поэзіи»; работа о Жуковскомъ составляетъ первый томъ; второй будетъ посвященъ Пушкину и его плеядѣ, а третій и послѣдній Лермонтову и исторіи критики «Золотого вѣка». Вышедшая книга о Жуковскомъ представляетъ собой законченное цѣлое; въ ней дается вступленіе къ исторіи великой русской литературы, выясняются ея истоки, опредѣляются предпосылки. Авторъ имѣетъ въ виду читателя иностранца, которому извѣстны только отдѣльныя вершины русской художественной культуры — Толстой, Достоевскій, Тургеневъ. Показать ему весь горный кряжъ, соединяющій эти вершины, набросать общую картину развитія русскаго духа и русскаго генія — такова задача г. Эллиса. Безъ «Золотого вѣка» — непонятна позднѣйшая «великая литература». Нужно вернуться къ родоначальнику русской поэзіи Жуковскому, чтобы почувствовать закономерность и самобытность русскаго искусства. Самая значительная особенность духовной Россіи — единство культуры и религіи — дана уже въ Жуковскомъ.

Кобылинскій-Эллисъ посвящаетъ свою книгу Владиміру Соловьеву, полагая, что и въ этомъ литературномъ трудѣ, какъ и въ богословскихъ своихъ работахъ, онъ остается вѣренъ духу своего великаго учителя.

Методъ автора — біографическій и историко-литературный: жизнь Жуковскаго раздѣлена на четыре періода: соответствен-